

онной работы, дал автору возможность составить подробное описание и дать анализ генезиса культов быка, козы и лошади.

Большой интерес для этнографической науки представляет и глава третья — «Праздник крэчуи» (стр. 106—149). Автор вводит в научный оборот новый материал об этом празднике. Глава содержит также много данных для изучения взаимосвязей и борьбы язычества и христианства и для истории последнего. Ю. В. Попович указывает на древние, дохристианские корни праздника «крэчуи», интерпретируя его как праздник зимнего солнцеворота, знаменующий собой начало трудового цикла. Закалывание свиньи накануне праздника, зажигание огней, ритуальная рождественская пища и обряд почитания мертвых составляют основные звенья этого праздника. Обоснованным представляется раздел, посвященный разбору самого термина «крэчуи» и утверждение о его славянском происхождении (стр. 143—145). Специально отмечаются автором общебалканские и особенно южнославянские элементы ритуала в празднике.

По последней главе работы можно сделать замечания, касающиеся методики исследования обрядности. Трудно уловить, в каких случаях совпадения молдавского ритуала с обрядностью иных народов Ю. В. Попович объясняет сходством уровня социально-экономического развития, в каких — этногенетическими процессами, а в каких — культурными заимствованиями. Что служит или может служить критерием для этих очень важных для этнографической науки выводов? Этнографы, занимающиеся духовной культурой, знают, сколь труден этот вопрос. Критерии для суждений по нему окончательно еще не выработаны. Было бы желательно, если бы этот вопрос был поставлен на материале по календарной обрядности молдаван. Действительно, почему, с одной стороны, совпадения в ритуале, относящемся к культу козы и быка у древнебалканских народов и молдаван, дают повод для утверждения о большом удельном весе древнебалканских элементов в духовной культуре и этногенезе молдаван (стр. 94, 100), а с другой стороны, совпадения, например, в культе свиньи у молдаван со сходными обрядами у греков (тесмофории) и римлян (сатурналии) объясняются только сходством социально-экономических отношений, культурное же влияние греческой и римской религий на религию народов Европы в данном случае категорически отрицается (стр. 112—113)? Думается, что тщательное сопоставление отдельных мелких и специфических деталей ритуала могло бы дать основания для более широких выводов, касающихся генезиса молдавских обрядов. Такое сопоставление могло бы указать, в каком случае речь может идти о традиционном заимствовании ритуала (в силу этнических или культурных связей), в каком — о совпадениях, вызванных сходными, но независимыми процессами развития разных народов.

Книга Ю. В. Поповича вводит в научный оборот очень важные данные по новейшей обрядности молдаван, на основе которых делаются выводы о традиционной духовной культуре народа, в которой нашли отражение процессы адаптации, а также взаимосвязи и взаимовлияния, имевшие место между фракийцами, римлянами и древними славянами.

Следует отметить умение автора подчеркнуть сохранение в календарной обрядности народных традиций, рассматривать ее как форму коллективного общения и удовлетворения эмоциональных и этических потребностей народа.

Т. Д. Златковская

Литературные памятники. Добрыня Никитич и Алеша Попович. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1974, 474 стр.

Издаваемая Академией наук СССР серия «Литературные памятники» обогатилась новой книгой. Выпущен впервые отдельным изданием один из древнейших циклов русских былин — о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче.

Общезвестно, что публикация фольклора, и в частности русских былин, имеет у нас уже давние традиции. Можно сказать, что былины прочно вошли как обязательный компонент также в серийные издания, имеющие своей задачей дать читателю представление о русской поэзии в целом (например, в большую и в малую серии «Библиотеки поэта»), не говоря уже о хрестоматиях.

Публиковались былины и в серии «Литературные памятники» (особенно если учесть, что, по мнению некоторых исследователей, она продолжает серию «Памятники мировой литературы», предпринятую еще издательством М. и С. Сабашниковых)¹; эта традиция насчитывает уже значительно более полувека. Еще до Октябрьской революции один из корифеев русской фольклористики М. Н. Сперанский опубликовал в серии «Памятники мировой литературы» первый том «Былин», хорошо принятый широкими кругами читателей². Почти через 40 лет А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов под-

¹ С. В. Белов, Книгоиздатель Сабашниковы, М., 1974, стр. 103.

² «Былины под редакцией М. Н. Сперанского». Издание М. и С. Сабашниковых, т. I, 1916; т. II, 1919.

готовили и издали под редакцией Д. С. Лихачева в той же серии знаменитый сборник Кирши Данилова³. Тогда же А. М. Астахова подготовила и издала впервые отдельной книгой цикл былин об Илье Муромце⁴.

Рецензируемый сборник, таким образом, является в этой серии четвертой (или даже пятой, если учесть, что М. Н. Сперанский опубликовал два тома) книгой, посвященной былинам. Составители издания учли богатый опыт публикации былин, ориентируясь (как они сами говорят на стр. 360) более всего на те принциты публикации, которые были применены А. М. Астаховой при издании упомянутого уже нами цикла былин об Илье Муромце. Недаром и труд свой они посвятили светлой памяти этой неутомимой исследовательницы былин.

В книге представлены все эпические сюжеты, главными героями которых являются Добрыня Никитич и Алеша Попович. В ней 88 былин. В том числе 34 о Добрыне Никитиче (из них 11 — о борьбе Добрыни со змеем, 5 — о Добрыне и Маринке, 5 — о Добрыне и Василии Казимировиче, 6 — о Добрыне и Дунае, 2 — о молодости Добрыни и его бое с Ильей Муромцем и др.), 23 былины об Алеше Поповиче (из них 6 о борьбе его с Тугарином, 6 — различные варианты сюжета о сестре Петровичей-Збродовичей, 5 — «Алеша Попович», 1 — «Змей Тугарин и княгиня Омелфа», 1 — «Илья и Идолище» и др.) и 31 былина о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче (из них 11 — «Добрыня и Алеша», 5 — «Добрыня в отъезде», 4 — о неудавшейся женитьбе Алеша Поповича, 1 — «Добрыня чужь покорил», 1 — «Добрыня возвращается со службы», 4 — о сватовстве иноземного царя или богатыря к родственнице князя Владимира и др.). Выделение этих трех крупных циклов обусловлено справедливым, на наш взгляд, мнением составителей, что в пределах публикуемых ими текстов былины о Добрыне являются древнейшими, а былины об Алеше и об обоих богатырях вместе — относительно более поздними.

В сборник включены как полные тексты былин, так и сокращенные их варианты, а иногда — даже отрывки, представляющие самостоятельный интерес (например, № 57 — «Алеша Попович и Ярюк-богатырь»). При этом заметно стремление составителей представить в сборнике разные варианты текстов, записанные в различных районах бытования былин. В комментариях обращается внимание читателя как раз на местные особенности былин и на причины их появления. Вместе с тем составители избежали чрезмерного усложнения орфографии, попыток передать фонетические особенности исполнения былин, что неизбежно затруднило бы восприятие их читателем.

Тексты былин тщательно отобраны, многократно проверены и прокомментированы: они хорошо подготовлены к изданию, и сам факт научной публикации этого цикла былин весьма интересен и важен.

Но, пожалуй, не менее ценны и интересны приложения, составляющие около трети объема книги. Среди них — краткая, но чрезвычайно содержательная статья, в которой составители дают развернутую характеристику всего цикла былин о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, отдельных сюжетов, входящих в этот цикл, историю изучения былин, важнейших их публикаций, наконец — принципов построения настоящего издания.

Общезвестно, что в отличие от других былинных героев Добрыня Никитич и Алеша Попович упоминаются русскими летописцами. В рецензируемой книге впервые сведены вместе и тщательно прокомментированы с учетом имеющихся исследований все летописные известия об обоих богатырях. В ней даны также 15 известных напевов былин о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче: приведены и снабжены комментариями ноты (эта работа проведена Б. М. Добровольским и В. В. Коргузаловым). Каждую из включенных в сборник былин составители снабдили подробными примечаниями. Интересен краткий словарь встречающихся в книге областных и старинных слов. Большую ценность имеют указатели исполнителей былин и районов, в которых записаны публикуемые тексты, а также указатель былинных сюжетов.

Книга снабжена тремя картами: две из них показывают распространенность определенных сюжетов («Алеша Попович и Тугарин», «Хотен Блудович», «Алеша Попович и сестра Збродовичей»), на третьей нанесены районы, где были записаны тексты.

Как и большинство изданий серии «Литературные памятники», книга «Добрыня Никитич и Алеша Попович» снабжена тщательно подобранными иллюстрациями. Составители широко использовали летописные миниатюры, сопровождающие приведенные в приложениях тексты о Добрыне — дяде князя Владимира Святославича и об Александре Поповиче, а также сцены боев, полона, пира, свадьбы. Особое внимание уделено змеборческим сюжетам в миниатюре и орнаменте, поскольку эти сюжеты занимают видное место и в тексте книги. Интересны лубочное изображение Алеша Поповича XVIII в. и современные росписи на темы о Добрыне Никитиче, которые свидетельствуют о неослабевающем интересе народных мастеров к былинам.

³ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Отв. редактор Д. С. Лихачев), М.—Л., 1958.

⁴ «Илья Муромец». Подготовка текста, статья и комментарии А. М. Астаховой, М.—Л., 1958.

Менее удачно подобраны изображения городов. Ростов показан современной фотографией, Великий Новгород — рисунком XVII в., Москва — одним из наименее достоверных ее изображений — планом-рисунком Герберштейна, Рязань — реконструкцией укреплений, выполненной художником Г. Б. Шуклиным. Киева, занимающего в былинах такое большое место, среди иллюстраций нет вовсе, хотя имеется достаточное количество как древних его изображений, так и современных реконструкций.

Специалисты найдут, наверное, какие-нибудь мелкие ошибки и опечатки в опубликованных текстах, но в целом рецензируемая книга представляет большой интерес. Она чрезвычайно полезна как фольклористам, так и научным работникам, занимающимся смежными проблемами. Ею, несомненно, будут широко пользоваться также студенты-гуманитарии разных специальностей и просто любители старинной русской литературы и фольклора.

М. Г. Рабинович

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Chester S. Chard. *Northeast Asia in prehistory*. Madison, 1974, 214 p.

Рецензируемая книга написана Честером С. Чардом — известным американским специалистом по археологии Арктики и Субарктики. В поле зрения автора находится территория Сибири, преимущественно к востоку от Енисея, Монголия, Маньчжурия, Корея и Япония, а хронологически книга охватывает период от древнейших известных палеолитических памятников до первых веков нашей эры. Диапазон, таким образом, огромен, а объем книги невелик, что по необходимости придает ей в известной степени обзорно-конспектный характер.

Честер С. Чард проработал огромный литературный материал, в том числе на русском и японском языках, хотя в библиографию вошли в основном публикации на английском языке. Автор, очевидно, стремился создать более или менее популярное пособие для изучающих археологию, изложить по возможности объективно существующий фактический материал и лишь в ряде случаев дать свою личную интерпретацию. Книга такого широкого тематического охвата по этой проблематике выходит на английском языке впервые. Помимо нее в мировой литературе существует еще лишь относительно сходная по теме книга Леруа-Гурана¹.

В первой главе книги — «Северо-Восточная Азия в плейстоцене», достаточно полно охвачены опубликованные материалы. При этом автор постоянно ссылается на недостаточность имеющихся памятников для построения законченных концепций, на спорность и субъективность существующих интерпретаций. Рассматривая климатические условия Северной Азии в плейстоцене, Честер С. Чард пытается выделить районы, где человека быть не могло, и районы, где он мог существовать, хотя столь ранних следов его и не найдено. В книге высказано мнение, что полностью достоверных признаков человеческого обитания здесь древнее, чем 30 тыс. лет назад, пока не найдено. Автор упоминает, разумеется, считающиеся нижнепалеолитическими культуры Японии, находки советских археологов в Улалинке, Филимошках, в ряде пунктов Монголии, но считает, что датировка их может оказаться и гораздо более поздней. Верхнепалеолитические памятники Сибири описаны в книге достаточно подробно.

Азиатские палеолитические материалы рассматриваются в монографии под углом зрения их возможной связи с заселением Нового Света. Учитывая трудную проходимость Арктическо-Тихоокеанского водораздела, Честер С. Чард выделяет два пути возможного проникновения человека в Америку. Один — идет севернее этого водораздела, но он во все времена был доступен только для людей, приспособившихся к климату тундры, и представляет собой естественный выход для населения северных равнин Евразии; другой — идет из районов Нижнего Амура и более южных по берегам Охотского и Берингова морей, но этот путь был доступен для пеших охотников лишь в эпохи максимального понижения уровня моря. При современном уровне моря эти берега слишком обрывисты, а лежащие за прибрежными хребтами территории трудно проходимы.

Описывая верхнепалеолитические комплексы Японии, Честер С. Чард отмечает их малую информативность. Материал здесь обильнее, чем в Сибири, но он ограничен камнем и, в отличие от сибирского, не дает никакого представления об образе жизни людей, об их жилищах, типах стоянок, искусстве и вообще духовной жизни.

Хотя, как уже отмечалось, автор старается избежать привнесения в изложение собственных взглядов и концепций, они все-таки присутствуют в книге. Следует отметить,

¹ A. Lerois-Gourhan, *Archéologie du Pacifique Nord*, Paris, 1947.